

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз.

Ладислас
Фараго

6 суток

ИСТОРИЯ ШПИОНАЖА ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВЕСЬМА СРОЧНО.

Ладислас Фараго

**История шпионажа времен
второй Мировой войны**

«Центрполиграф»

1978

УДК 94(0)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62

Фараго Л.

История шпионажа времен второй Мировой войны / Л. Фараго —
«Центрполиграф», 1978

ISBN 978-5-9524-5340-1

Ладислас Фараго, бывший начальник отдела исследований и планирования в специальном военном подразделении ВМС США, автор нескольких книг по шпионажу, предлагает захватывающую картину всего спектра тайной деятельности, различных форм разведки секретных служб стран – участниц Второй мировой войны. Результатом действий агентов спецслужб, проводивших разведывательные операции, были победы или поражения, которые часто играли не менее важную роль, чем достигнутые на поле боя. В своем исследовании Фараго анализирует не только фактические события, но и мотивы и поступки людей, которые принимали в них участие. Здесь представлена галерея портретов фигурантов разного уровня и значения, среди них первые лица государств, знаменитые разведчики и никому не известные герои.

УДК 94(0)"1939/1945"

ББК 63.3(0)62

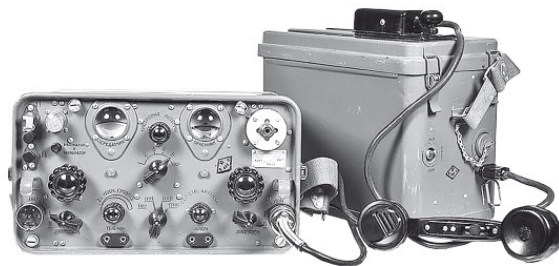
ISBN 978-5-9524-5340-1

© Фараго Л., 1978

© Центрполиграф, 1978

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Операция «Мясные консервы»	8
Глава 2	13
«Лис» в своем логовище	13
Глава 3	19
Канарис прокладывает путь	19
Глава 4	24
Застой в союзническом лагере	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ладислас Фараго

История шпионажа времен Второй мировой войны

Ladislav Farago

BURN AFTER READING
THE ESPIONAGE HISTORY OF WORLD WAR II

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Шпионаж играл заметную и нередко весьма запоминающуюся роль в каждой войне, но лишь в период Второй мировой войны он обрел статус своего рода «Четвертого сословия». Характер и размах этого ожесточенного конфликта породил особый вид войск, тайно сражавшихся в тылу и на своих собственных фронтах.

Думаю, не требует пояснений, что я использую слово «шпионаж» в универсальном смысле. Если эта книга – история шпионажа времен Второй мировой войны, то по логике вещей она включает в себя и планы тайных операций, и различные формы разведывательной деятельности, шпионажа и саботажа, подрывной и контрразведывательной деятельности, описание засекреченных баталлий, проводившихся параллельно с обычными боевыми операциями современной войны.

Шпионаж осуществлялся обеими сторонами, но лишь союзники придали этому виду деятельности истинный размах. Вполне объяснимо – в оккупированных неприятелем странах Европы и Азии он был и оставался единственной возможностью угнетаемых бросить вызов угнетателям и в итоге обречь их на поражение. Это был стихийный бунт, зародившийся в душах оказавшихся под вражеским игом людей, объясняемый их стойким стремлением к свободе, даровавшим весьма сомнительным занятиям ауру благопристойности, оправдывавшим и убийства, и другие преступления.

Это была всего лишь видимая часть большой войны, однако даже эта часть сама по себе заслуживает полное право считаться отдельной войной. Более не существующий на этом свете дуче вряд ли преуспел как надлежащий авторитет в решении каких-либо вопросов, за исключением разве что военных. В своем отношении к войне этот субъект предельно прозрачен и не обнаруживает и тени лицемерия. Муссолини однажды заявил, что, дескать, только война доводит энергию человека до возможного максимума и отмечает печатью святости народы, которые имеют мужество сражаться. Нет войны более благородной, чем отпор миллионов тирании.

Именно секретная составляющая Второй мировой войны и побудила меня написать эту книгу. Для изучающего шпионаж историка немецкий шпион, исполняющий явно преступные приказы во благо своей державы, как объект исследования равнозначен любому американскому агенту, добывающему сведения для своей страны. Хотя все же применительно ко Второй мировой войне существуют свои оговорки, и даже до педантизма объективный историк обязан признавать их. Мне лично эту мысль привил генерал Колин Маквин Габбинс, начальник британского Управления специальных операций. Он писал: «Отпор, который мы были вынуждены давать все эти долгие и мрачные годы на оккупированных территориях гестапо, коллаборационистам Квислинга и секретным службам Японии, был настоящей войной со всеми присущими ей страданиями, смертями и даже пытками... И находились тысячи и тысячи тех, кто выполнил свою задачу, тех, для кого самым главным в жизни было сохранение нерушимости боевого духа. Они целиком отдали себя делу, которое считали высшей целью».

Но даже невзирая на это, у меня все же остаются определенные сомнения. У того, кто в течение многих лет столь же серьезно, как я, посвящал себя и захватывающей, и в то же время требовавшей огромной эмоциональной нагрузки деятельности, не может не выработаться определенной точки зрения, и я, признаюсь, на самом деле не свободен от некоторой доли предвзятости. С одной стороны, отчасти мое отношение к этой работе можно было охарактеризовать как умеренно презрительное. Здесь весьма кстати процитировать Вергилия, предупреждавшего, что все зло подпитывается тайной. Большая часть работы здорово отдавала ребячеством, как если бы взрослый мужчина ни с того ни с сего ударился в мальчишество; она представлялась неким несерьезным времяпрепровождением, к которому человек взрослый и не без гордости осознающий свою вполне сформировавшуюся взрослость неизбежно отнесся

бы с иронией. С другой стороны, у меня не хватало духу без обиняков окрестить эту работу заведомым обманом. Известны случаи, когда то, что замышлялось как игра, некое надувательство, временное и не очень серьезное, нередко дорастало до фактора огромной разрушительной мощи, и тем, кто воплощал его на практике, всю жизнь потом приходилось расплачиваться необратимыми психическими травмами.

Я и не пытался полностью исключить эту предвзятость со страниц данной книги. В отличие от части писателей я не ставлю целью живописать шпионаж с избыточным пиететом; упомянутые авторы слишком уж много внимания уделяют героике игры, не замечая при этом ее театральной надуманности. Хочется верить, что читатель не осудит меня, если я, описывая явления по данной теме, воздержусь как от мелодраматизма, так и от некритичного восхваления шпионских деяний, а, скорее, попытаюсь придерживаться золотой середины, не забывая при этом и о чувстве меры.

Ввиду нехватности масштабов этой тайной борьбы любое повествование о ней обречено на неполноту и не всегда убедительно. И это повествование – не исключение. Стараясь представить более сдержанную картину, я ограничился выборочным описанием событий и самой темы. Сожалею, что из-за ограниченности объема будущей книги я не имел возможности описать деятельность некоторых движений Сопротивления, в частности партизанскую войну на Филиппинах. Я сознательно опустил уже достаточно хорошо известные инциденты, такие как похищения «человека, которого не было» и случай с Тайлером Кентом. Несколько получивших широкую огласку операций, как, например, проникновение на базу в Скапа-Флоу подводной лодки, якобы проведенной туда шпионом, также опущены, ибо никогда не происходили¹. Уверен, что те, кто изучает этот аспект, обнаружат достаточно упущений. Заранее приношу извинения за любые возможные огрехи и недостатки и в свое оправдание могу лишь сослаться на очевидные сложности при получении сведений по столь непростой и запутанной теме, как шпионаж.

Считаю своим долгом выразить благодарность моему другу и коллеге Джею Нельсону Таку за неоценимую и самоотверженную помощь в редактировании рукописи, представлявшей бесформенное нагромождение документов, и превращении ее в упорядоченную книгу. Работа Джея Нельсона Така над моей рукописью далеко выходила за пределы обычной редакторской задачи. Если данная книга и заслуживает похвалы, это в огромной степени достижение редактора.

Если сам автор книги сознательно воздерживается от всякого рода выводов, излагаемые им в ней факты – спроецированные на гигантский экран истории – все же могут послужить своего рода прагматическими уроками. Акцент сделан на фактах. Они, по выражению Уинстона Черчилля, несравненно ценнее иллюзий и домыслов.

¹ Немецкая подводная лодка капитан-лейтенанта Прина, 14 октября 1939 г. проникшая в военно-морскую базу англичан Скапа-Флоу и потопившая линкор «Ройал Оук», действительно обошлась без помощи каких-либо шпионов. – *Здесь и далее примем, ред.*

Глава 1

Операция «Мясные консервы»

Той душной ночью 10 августа 1939 года едва ли кто-нибудь из прохожих нарушил ночное спокойствие почтенной берлинской Кайзер-Вильгельмштрассе, пока незадолго до полуночи быстрые шаги в тяжелой обуви пугающим эхом отдались в тишине этой знаменитой улицы. Охрана у внушительного серого здания Имперского министерства авиации заметила торопливо прошедшего мимо рослого мужчину. Поскольку на незнакомце была черная форма офицера общих СС, молодой часовой приветствовал его, вскинув на караул карабин и вытянувшись, проводил его взглядом до самого угла, пока эсэсовец не свернул на Принц-Альбрехтштрассе, где располагались здания, в которых размещались центральные органы гестапо – тайной государственной полиции, шефом которой стал Рейнхард Гейдрих.

Охранники в вестибюле при виде вошедшего шелкнули каблуками и выбросили вперед правую руку, сопроводив церемонию нацистского приветствия возгласом «Хайль Гитлер!». Небрежно отсалютовав в ответ, поздний визитер стал подниматься по лестнице, направляясь прямо в приемную Гейдриха.

Этим нарушителем спокойствия в здании на Кайзер-Вильгельмштрассе был тихий и спокойный на вид человек, один из головорезов гестапо Альфред Гельмут Науйокс. Будучи безмозглым орудием в руках мастера, этот бандит даже запахом весьма напоминал героя «Безволосого мексиканца» Сомерсета Моэма – высокий, дородный, ширококостный, с гладкой кожей и грубым лицом, украшенным шрамом на лбу, светловолосый и с несуразно большими и усыпанными розовыми веснушками руками. Науйокс был человеком с именем в гейдриховском братстве убийц, один только намек на которых вселял страх в души немцев. Он принадлежал к новой касте тайных агентов, негласные операции которых придавали древней войне шпионажа дух бандитизма.

Было десять минут первого ночи, когда Науйокс вошел в просторный, безлико меблированный кабинет Гейдриха. Жестом пригласив его сесть, Гейдрих изложил ему предстоящую миссию, которой, по-видимому, было суждено стать главной в послужном списке Науйокса, да и в его жизни в целом.

– Я собираюсь поручить вам, – необычно высоким голосом заговорил группенфюрер СС, – совершенно секретное задание, являющееся вопросом государственной важности рейха, и не считаю необходимым напоминать вам о том, что данная операция должна быть проведена с предельной осмотрительностью.

Науйокс кивнул, и Гейдрих продолжал:

– Фюрер решил раз и навсегда разрешить данцигский вопрос и разгромить Польшу. И день «Х» и час «У» уже установлены. Все подготовлено – кроме предлога для войны. Он пока что не избран. Но мы изыщем его для фюрера, мы с вами, мой уважаемый Науйокс! Именно нам предстоит создать повод для этой войны! Германия начнет Польскую кампанию без формального объявления войны, с внезапной атаки, заявив всему миру о том, что именно поляки сделали первый выстрел. Но этого мало. Нам необходимо неоспоримое практическое доказательство, весомые улики, которые Геббельс сможет потом предъявить зарубежной прессе.

Перед тем как перейти к сути дела, Гейдрих сделал мелодраматическую паузу.

– Мы искусственно спровоцируем серию пограничных конфликтов и заставим поверить всех в то, что нападавшие были поляками.

Подойдя к висевшей на стене карте, группенфюрер указал на отмеченные на ней населенные пункты и участки на территории восточной части Германии.

– Инциденты должны произойти вот здесь, – пояснил он, – в районе Глейвица² в Верхней Силезии, и вот здесь, в Питцене под Кройцбургом³, а также в Хохлиндене под Ратибором⁴, ну и в самом Глейвице. Мы переоденем пару сотен наших солдат в польское обмундирование и прикажем им обстрелять территорию рейха, поджечь несколько наших домов, в общем, в течение нескольких часов сеять панику среди немецкого населения.

Его костлявый указательный палец остановился на одной из точек на карте.

– Вот здесь в Глейвице, – продолжал он, – расположена наша радиостанция. Вашей задачей будет подготовить инцидент там. Партайгеноссе Мюллер несет прямую ответственность за перечисленные операции. От него вы получите все необходимые детальные разъяснения. Найдете его или в Глейвице, или в Оппельне⁵. Доложите ему о прибытии, когда доберетесь туда. Желаю удачи!

Науйокс впервые за все время инструктажа раскрыл рот.

– Благодарю, группенфюрер, за оказанное доверие. Хайль Гитлер! – произнес он в ответ. Поднявшись, Науйокс щелкнул каблуками и вышел из кабинета Гейдриха.

«Партайгеноссе Мюллером» был не кто иной, как Генрих Мюллер, шеф гестапо, один из подчиненных Гейдриха. Науйокс нашел его в Оппельне, где обер-гестаповец был занят тайной подготовкой предстоящих операций. Когда Науйокс прибыл, Мюллер созвал на совещание своих заместителей и дал каждому из них соответствующие инструкции. Головорез по имени Мельхорн должен был направить в район Питцена около 100 нацистов, переодетых в форму польских регулярных войск. Другому прислужнику, по имени Лангханс, предстояло организовать и провести штурм здания таможни в Хохлиндене. Науйокса Мюллер ознакомил с деталями нападения на радиостанцию в Глейвице.

– Выберите себе шестерых заслуживающих доверия сотрудников СД и переоденете их в польскую форму. В назначенное время атакуете радиостанцию и захватите ее. Долго удерживать здание нет необходимости – 5—10 минут, не больше, самое главное, чтобы в эти минуты уложился тот из вашей группы, кому предстоит зачитать на польском языке антигерманское обращение к полякам.

Мюллер продолжал:

– Здесь у меня в Оппельне, в тюрьме гестапо, найдется с десяток заключенных из концентрационных лагерей. Мы используем их для придания инцидентам убедительности. Мы тоже переоденем их в польскую форму, а потом оставим их лежать, как будто они погибли в ходе нападения. Им будут сделаны смертельные инъекции, и, кроме того, на их телах впоследствии поляки обнаружат и огнестрельные ранения. После инцидентов мы предъявим трупы зарубежным корреспондентам, представителям прессы, которых Геббельс собирается доставить сюда из Берлина.

Мюллер заверил Науйокса, что выдаст и ему тело одного из этих «поляков», которому тоже будет сделана смертельная инъекция и нанесены огнестрельные ранения.

– Между прочим, – добавил Мюллер, – мы избрали для этих якобы поляков кодовое название – «консервы». А сама операция называется «Мясные консервы». Что же, остроумно.

И Науйокс, и Мюллер рассмеялись, предвкушая столь многообещающее начало.

25 августа Науйокс репетировал нападение со своими подопечными, но пока что без убитых поляков. Он выжидал. В 11:00 31 августа Науйокса позвали к телефону. Звонил Гейдрих из Берлина.

² Ныне Гливице в Польше.

³ Ныне Ключборк в Польше.

⁴ Ныне Гацибуж в Польше.

⁵ Ныне Ополс в Польше.

– Науйо́кс, – сказал он, – жребий брошен. Все начнется завтра в 5:00 утра. Ваша работа должна быть завершена к 20 часам – сегодня вечером. Прямо сейчас звоните Мюллеру и просите об отправке вам одного из своих «мясных консервов».

В 11:10 Науйо́кс позвонил Мюллеру в Оппельн и попросил «поляка». В 19:00 он расставил своих людей по постам около радиостанции, а в 19:30 прибыл автомобиль с «поляком». Заключенному сделали инъекцию, кроме того, на теле его были огнестрельные ранения, а лицо испачкано кровью. Но человек еще дышал. В 19:50 по распоряжению Науйо́кса тело выложили у главного входа на радиостанцию.

Часы показывали 20:00. Науйо́кс взглянул на свои наручные часы и полуравнодушным тоном отдал приказ об атаке. Мгновение спустя шесть человек – его «поляков» – захватили станцию, и якобы «польский агитатор» подошел к включенному микрофону. Он прокричал в эфир, что для поляков настало время отомстить Германии, и обратился ко всем патриотически настроенным полякам с призывом убивать немцев. Пока он говорил, звучали выстрелы – люди Науйо́кса падали в воздух и в лежавшие на полу «мясные консервы», обеспечивая инсценировке соответствующее звуковое сопровождение.

В 20:07 спектакль завершился. Науйо́кс вместе со своими «поляками» расселись по машинам и отбыли в неизвестном направлении. Гитлер получил оправдание для начала войны. Лежавший у входа бывший заключенный концлагеря несомненно был мертв. Он стал первой жертвой Второй мировой войны – в прямом смысле ее Неизвестным Солдатом.

В 5:00 1 сентября 1939 года вермахт пересек границу Польши на трех участках, начав наступление по трем главным направлениям. В те же минуты бомбардировщики люфтваффе нанесли бомбовые удары по Гдыне, Кракову и Катовице.

В 5:11 Гитлер выступил с обращением к вермахту, оправдывавшим нападение. «Ряд нарушений границы, – утверждал он, – терпеть которые великая держава больше не в состоянии, доказывает, что поляки больше не готовы уважать немецкую границу. Чтобы положить конец этому безумству, у меня не остается никаких других средств, кроме ответа силой на силу».

Ровно в 8:00 утра, спустя 12 часов после инцидента в Глейвице, вермахт сумел глубоко вклиниться на территорию Польши. Отныне число жертв конфликта уже не ограничивалось одним лежавшим в нескольких шагах от радиостанции «поляком». В 9:10 в Глейвиц въехал походный госпиталь – двое раненых, один из которых скончался. Первые жертвы среди немцев.

Мир снова находился в состоянии войны.

Для Польши эта война продлилась всего 27 дней. Никогда прежде военная мощь государства не рухнула столь стремительно. Военные эксперты всего мира задавались вопросом: как могло произойти, что страна с населением 32 миллиона человек столь быстро оказалась под пятой оккупантов? Ни один находившийся в здравом уме человек всерьез не предполагал, что польской армии удастся остановить вермахт без помощи извне, но, с другой стороны, все рассчитывали, что поляки окажут достойный отпор агрессорам, победа которым обойдется весьма дорогой ценой.

Сутки спустя после начала Гитлером блицкрига 75 % польских самолетов были уничтожены – большинство из них в ангарах. Нацисты упредили помощь полякам от Великобритании и Франции, разрушив все польские аэродромы, специально оборудованные для приема военной авиации. За первые несколько дней кампании немцы разрушили польские коммуникационные линии и железнодорожные мосты в тылу польских войск. Армейские транспорты, действующие согласно секретным графикам, были атакованы самолетами люфтваффе и выведены из строя еще на терминалах. Центры мобилизации и сборные пункты, по-видимому известные только высшему руководству польского Верховного командования, были обнаружены германской авиацией и уничтожены. Склады боеприпасов и ГСМ были взорваны все до единого. Не уцелел ни один объект военного значения.

Среди самых больших загадок той войны случай в Ленчице был наиболее труднообъясним. Ленчица – город с населением 10 000 человек неподалеку от Лодзи, в глуши, вдали от войсковых путей следования. Казалось, эта провинция для неприятеля интереса не представляет. Гарнизон в Ленчице насчитывал всего лишь 150 солдат и офицеров. Но и их в спешке направили в районы боевых действий, оставив город вообще без военных. И все же подразделение за подразделением стало появляться в этом городке, пока Ленчица не пала трагической жертвой тотальной бомбардировки – согласно статистике на каждое здание пришлось рекордное количество бомб, принимая во внимание размеры этого городка.

Офицеры действующей армии задавали вопрос: почему нацисты не пожалели десятки тонн бомб на такую малозначительную цель? Безумное расточительство, принимая во внимание в целом ограниченный боезапас авиабомб люфтваффе. Шестнадцать воздушных налетов не решили проблему. А семнадцатый послужил ключом к разгадке. Раздался взрыв такой силы, что в радиусе 50 миль от Ленчицы в окнах домов не осталось ни одного целого стекла. Сам город был разрушен до основания. Дело в том, что именно здесь, в провинциальной глуши, поляки разместили гигантский склад боеприпасов, о местонахождении которого знало лишь высшее командование Войска польского.

Как немцы узнали об этом?

Ответ был получен спустя несколько дней после завершения кампании. Группу иностранных журналистов привезли на экскурсию в руины Варшавы. Выделили даже сопровождающего – полковника фон Веделя из отдела по связям с прессой Верховного командования. Его-то и попросили объяснить тайну этого удивительного успеха.

Полковник представил весьма откровенное объяснение, что в целом было не очень типично для людей военных, тем более генштабистов: «Успех был достигнут в результате превосходства германского оружия и германской разведывательной службы».

Шпионаж и анализ полученных сведений играли заметную роль во всех больших войнах истории, но никогда прежде военачальники этого публично не признавали.

Трагедия Ленчицы послужила нагляднейшей иллюстрацией тому, что имел в виду фон Ведель. В течение нескольких предвоенных лет в Ленчице действовал немецкий шпион, в задачу которого входило наблюдение за самым важным военным секретом этого городка. В первый день войны Ленчица числилась среди первоочередных объектов атак люфтваффе. Склад был тщательно и умело замаскирован. Несмотря на радионаведение местного агента, самолеты не сразу нащупали цель, отчего и понадобилось 16 бомбардировок. Но полученные немцами сведения были столь бесспорны, что они решили бомбить Ленчицу в семнадцатый раз, возымевший и для объекта, и для города воистину фатальные последствия.

Надо сказать, подобная обстоятельность преобладала не только в Ленчице. Военные составы, например, не следуют по определенным и всем известным расписаниям, и пункты назначения также известны лишь узкому кругу ответственных лиц. Тем не менее подрывы польских рельсовых путей происходили с поразительной регулярностью и точностью. 5 сентября, например, армейский состав отошел от Центрального вокзала Варшавы, направляясь на фронт. Его засекреченное направление предусматривало прибытие на станцию Прага, на другом берегу Вислы, 15 минут спустя. За несколько минут до прибытия эшелона в Прагу словно ниоткуда появились немецкие самолеты и до основания разбомбили железнодорожную станцию. Состав встал на линии, перекрыв движение поездов. Один-единственный агент, внедренный в аппарат управления начальника станции в Варшаве, воспользовавшись секретным каналом связи, сумел предупредить немцев и таким образом воспрепятствовал прибытию нескольких тысяч польских солдат и офицеров на фронт⁶.

⁶ Имеется в виду фронт к северо-востоку, где немцы развернули стремительное наступление из Восточной Пруссии в южном направлении.

Сомнений нет, очередная страница летописи войн была перевернута. Подозрительный успех сопутствовал вооруженным силам Германии. Секретная миссия штурмбаннфюрера Науйока, предвосхитившая самую большую войну в истории, так или иначе, стала доселе невиданным символом нового типа ведения войны.

Этот только что разразившийся конфликт обладал загадочным, интригующим новым измерением. В чреве его вынашивалась армия совершенно нового типа, организованная заранее для ведения сражений в войне тоже совершенно нового типа.

Это была армия шпионов.

Безусловно, испокон веку во всей писаной истории шпионы играли важную роль: и в дипломатии, и уже в ходе войны, но никогда прежде как в ходе этой.

Непосредственно перед началом Второй мировой войны американский историк секретной службы подсчитал численность шпионов в мире. И при этом обнаружил, что белых пятен на карте практически не осталось. Земной шар целиком был испещрен тайными явками, резидентурами разведок, тайными агентами, роковыми женщинами, конфиденциальными осведомителями, стихийными информантами и полицейскими шпииками.

Весьма примечательный прирост, в особенности принимая во внимание тот факт, что шпионаж отнюдь не принадлежит к видам деятельности, шагающим в ногу с увеличением численности человечества и прогрессом цивилизации. Безмятежные времена шпионажа, как казалось некоторым, миновали навсегда. На самом же деле они только начинались.

Глава 2

«Лис» в своем логовище

31 августа 1939 года вермахт, участвовавший в кампании в Польше, буквально лопался от нетерпения. Но в безликом, безвкусно обставленном берлинском кабинете тщедушный, болезненного вида человек с белоснежными волосами расслабленно откинулся на спинку кресла. Для Вильгельма Канариса это внезапное начало войны было своего рода отдохновением – пик интенсивной деятельности миновал. Он долго и упорно работал, прокладывая путь к нему: а теперь сражения, которые вермахту предстояло выиграть или проиграть, уже не в его власти. Он со своими сотрудниками вел собственную тайную войну со всей возможной решительностью и редкостным мастерством. Хотя победу в некоторых схватках пришлось все же уступить, но большинство сражений они выиграли. И теперь уже не сомневались, что выиграют и войну.

Кем был этот человек, этот великий полководец и мозг огромной подпольной армии? Разумеется, самым известным предводителем шпионов всех мастей периода Второй мировой войны. Канарис был и одним из ее самых спорных персонажей. Редко, писал один бывший высокопоставленный чин германской секретной службы, встречаются столь заметные в истории фигуры, оценки которых столь разнятся, как внешне незаметный, немногословный, несколько эксцентричный адмирал Вильгельм Канарис, руководитель германской военной разведки.

Враги Канариса расценивают его как не знавшего мук совести организатора самых гнусных преступлений гитлеровского режима. Его друзья восхваляют адмирала как духовного лидера умилительно-трогательного антинацистского движения, человека, который принял мученическую смерть за бесстрашие и убеждения. Есть и такие, кто заклеил его как предателя, чья измена вермахту в самый тяжелый час и обусловила сокрушительное поражение Германии.

Масса глупостей написана о Канарисе. Его изображали самым загадочным из деятелей Германии всех времен – ловкачом, который плел интригу за интригой на протяжении всего промежутка между двумя мировыми войнами. Его выдавали и за одного из любовников Мата Хари, называли «адмиралом без формы», хотя большую часть взрослой жизни этот человек прослужил как раз на флоте. Другие пытались сделать из него гуманиста и моралиста, и даже интригана.

На самом же деле большая часть жизни Канариса была невероятно скучна и однообразна. Он родился в Аплербекке неподалеку от Дортмунда, то есть в самом центре Рура, 1 января 1887 года. Вильгельм Канарис был младшим из троих детей в семье преуспевающего горного инженера. Может показаться символическим, но в юности он получил прозвище Kiesecker, что можно перевести как «любитель подглядывать» или даже «шпик». Молодой Вильгельм Канарис пошел служить в военно-морские силы (кайзерлих-марине) и уже в Первую мировую войну заинтересовался разведывательной работой, хоть она и не была его специальностью. В Первую мировую войну он командовал подводной лодкой, а после войны стареньким линкором «Силезия». Начавшаяся после этого синекюра послужила тонким намеком на то, что военно-морские силы более не нуждаются в его услугах. В начале 1930-х годов его списали на берег на командирскую должность на второстепенную базу германских ВМС Свинемюнде на Балтийском море, где под его началом было несколько береговых орудий и еще мириады чаек для отстрела, чтобы не умереть со скуки.

Затем совершенно внезапно и необъяснимо с 1 января 1935 года он сменяет на должности главу абвера, военной разведывательной службы, гауптмана Конрада Патцига.

В ту пору Канарису исполнилось 48 лет, но выглядел он намного старше. Он был небольшого роста, щуплым, говорил тихо, сопровождая речь неторопливой жестикуляцией, лицо его покрывала сетка мелких морщин, волосы были белоснежные. Подчиненные за глаза называли его «der Alte» – Старик.

Канарис все время разрывался между нечистоплотностью своей работы и врожденной страстью к морализаторству, между мистической верой в судьбу и дотошным следованием поставленной цели. Он был добрым и слабоватым человеком, приспособленцем, обожавшим всех замирать, постоянно колеблющимся между решимостью и стремлением отложить решение на потом, до лучших времен. Его характер находил отражение во всех его поступках, даже в его излюбленном виде спорта – хождении под парусом. Он всегда ходит только по ветру, как однажды выразился кто-то из его друзей, и причаливает к берегу с повисшими парусами.

Канарис был в известной степени человеком впечатлительным, что, как кто-то отметил, было «несовместимо с выбором профессии офицера и вынуждало его чуть ли не с ужасом расценивать любое проявление силы». Вероятно, по причине своей чисто штатской внешности он с долей отвращения взирал на своих вечно куда-то мчавшихся коллег-офицеров. Один только вид орденов на груди у кого-нибудь из коллег вызывал у него сардоническую улыбку и язвительные высказывания. Этого было достаточно, чтобы бедняга навеки исключался из круга общения будущего адмирала. Канарис предпочитал штатские костюмы и окружал себя служащими, которые очень мало напоминали людей военных.

Его святилище на верхнем этаже здания абвера, прозванное посвященными «Лисьей норой», отражало противоречивые черты характера этого странного человека. Обстановка кабинета была лишена как стиля, так и вкуса. На его рабочем столе красовалась старинная безделушка, которую Канарис избрал в качестве символа абвера: три обезьянки – одна затыкает уши, вторая прикрывает рот, третья зажмуривается – «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу». Одну стену закрывала огромная карта мира. На других висели три картины: фотография с автографом генералиссимуса Франко (знак его любви к Испании, гражданскую войну в которой он в 1936 году помог спровоцировать); японское изображение дьявола и картина его любимой таксы Зеппля.

У этого странного человека не было ни друзей, ни доверенных лиц, но зато он обожал собак. Его тревоги по поводу самочувствия его любимцев-собак однажды полностью дезориентировали его противников. Разъезжая под вымышленным именем и с поддельным паспортом по Испании, Канарис в 1936 году занимался подготовкой франкистского мятежа. Республиканская полиция разыскала его и поставила его телефон на прослушивание, поскольку Канарис временами шел на явный риск, передавая весьма конфиденциальную информацию в Берлин по открытым каналам международной связи.

Агент-испанец подслушал разговор Канариса о занемогшей собачке. В ответ на вопрос о ее самочувствии он получил от своего берлинского подчиненного детальный отчет об актах дефекации четвероногой любимицы. Испанская полиция не сомневалась, что это было не что иное, как хитроумный код, и дешифровальщикам пришлось туго: они едва ли не всю ночь пытались разгадать этот код. Но так и не разгадали. Канарис на самом деле рассуждал о самочувствии своей заболевшей таксы.

Канарис воплощал худшие стороны секретной службы. Он был политиком и, вследствие этого, попирает наиглавнейшее правило любой секретной службы, используя полученную его департаментом информацию как оружие для осуществления собственных козней. Он пришел в абвер, будучи убежденным нацистом, но позднее дистанцировался от Гитлера, а закончил жизнь и карьеру в статусе участника антигитлеровского заговора. Ныне его часто причисляют к высшему эшелону антинацистского заговора, однако реальный вклад адмирала Канариса состоял скорее из упущений, нежели из заслуг. Он позволил нацистам внедрить своих осведо-

мителей в абвер, а антинацистам – готовить за его спиной заговоры. И отнюдь не безуспешно пытался использовать и тех и других в своих собственных интересах.

В конце нацисты вздернули его на специально изготовленной виселице с тонкой рояльной струной вместо веревки – видимо, желая усугубить и продлить предсмертные муки бывшего начальника армейской разведки. Как однажды заметил Уоттон, виселица – позорнейший вид казни, но, судя по всему, представляется логичным предположить, что этот человек ее вполне заслуживал.

Но 1 сентября 1939 года от финала карьеры и казни адмирала отделяли годы. В ту пору он был на пике власти и славы – и все потому, что, хотя и странно слышать подобное о человеке, казалось бы, самой судьбой предопределенном вечно пребывать в тени, Канарис был всемирно известен. Абвер был мощной опорой Гитлера, а Канарис – одним из его наиболее ценных и ценимых им сообщников.

В полуофициальной истории абвера Пауль Леверкюн, гамбургский юрист, служивший офицером разведки во время войны, писал о Канарисе следующее: «Он был не просто человеком, находившимся на должности главы абвера. Его личность и методы создали сущность абвера. Абвер являлся в очень большой степени его творением, и, когда Канарис был отстранен, абвер начал быстро разрушаться. Фактически не будет большим преувеличением сказать, что абвер был Канарисом и Канарис был абвером».

Накануне войны Канарис располагал постоянным штатом в 18 000 сотрудников, как мужчин, так и женщин, и, кроме того, несколькими тысячами неофициальных информаторов.

Возглавлял иерархию сам Канарис. Ниже его располагались 5 главных секций. Существовал Центральный отдел, возглавляемый храбрым и решительным офицером, антинацистом, полковником Гансом Остером. Иностраный отдел при капитане Бюркнере поддерживал связь с иностранными державами. Отдел абвер II при полковнике фон Лахузене отвечал за саботаж и другие закулисные тайные операции. Отдел абвер III (начальник – подполковник (позже генерал-майор) фон Бентивеньи) исполнял главные функции в абвере – безопасность, контрразведка и борьба с диверсиями.

Секретная аналитическая работа (включая шпионаж) была зоной ответственности отдела абвер I, именуемого также Geheimer Meldedienst, или Секретной службой сбора и доставки сведений. Каждый из этих трех отделов, в свою очередь, был далее разделен на три подотдела, представлявшие армию, флот и авиацию соответственно и имевшие номера I H (сухопутные силы), I M (флот), I L (авиация), II H, II M, II L и т. д. Вдобавок существовали следующие 5 групп.

В подчинении отдела абвер-1:

Группа I Wi (Wirtschaft). Экономическая и коммерческая информация.

Группа I Ht (Heerestechnik) – сбор технической информации для армии (сухопутных войск).

Группа I TLw (Luftwaffentechnik) – сбор технической информации для военно-воздушных сил.

Группа I G – фотография, тайнопись (проявляющиеся чернила), удостоверения личности и паспорта и все другие вспомогательные устройства и аксессуары, необходимые для функционирования секретной разведслужбы.

Упомянутый отдел состоял из трех «подотделов» (по одному для армии, морских и военно-воздушных сил) и пяти групп. Среди них группа I G была занята разработками особых видов оружия (замаскированного под различные безобидные на вид предметы), изучением особых методов микрофотографии, невидимых чернил, изготовлением фальшивых документов – одним словом, всех необходимых для эффективного функционирования секретной службы средств. Группа I1 отвечала за радиосвязь, включая конструирование радиооборудования для агентов (так называемый Afus) и создание секретных радиосетей.

Отдел I имел относительно малочисленный штат в штаб-квартире в Берлине в пятиэтажном доме на Тирпицуфер. Этот отдел имел весьма разветвленную сеть многочисленных так называемых «доверенных лиц» (Vertrauensleute), то есть нештатных сотрудников-осведомителей. Многие агенты рекрутировались из числа постоянно проживавших в Германии граждан рейха; еще больше – сотрудничали с абвером на временной, непостоянной основе. Большинство этих Vertrauensleute были добровольцами, помогавшими нацистам из идейных убеждений, считавшими, что они таким образом словом и делом поддерживают гитлеровский «новый порядок». Горстка была наемными шпионами, работавшими за деньги, но платили им не так уж и много, по-видимому исходя из устоявшейся теории о том, что самую ценную информацию все равно ни за какие деньги не купишь.

Но не столь важно, насколько твердо Канарис держался на этом пике иерархии. Он понимал, что его пребывание в одиночестве чревато риском. И он не был бы предводителем шпионов, если бы не подозревал о всех опасностях, подстерегавших и его лично, и подчиненный ему абвер. И главной опасностью был Рейнхард Гейдрих, молодой шеф эсэсовской службы безопасности СД (Sicherheitsdienst des Reichsführers SS – сокращенно Sicherheitsdienst – SD – служба безопасности рейхсфюрера СС), представлявшей собой довольно небрежно сработанную копию абвера Канариса.

Главной функцией абвера являлась защита Германии от иностранных противников как средствами агрессивного шпионажа, так и контрразведки. СД Гейдриха, созданная для защиты рейха от «внутренних врагов», как предполагалось, выполняла в основном функции полицейской разведки. Но подобное разделение полномочий долго сохраняться не могло. Невзирая на показное сотрудничество и даже личную дружбу, Канарис и Гейдрих не на жизнь, а на смерть сражались за обретение контроля.

Гейдрих всегда был полон решимости расформировать абвер, но подвластная Канарису организация занималась не пустопорожней деятельностью, а как-никак военной разведкой. Несмотря на то что этот план первоначально базировался прежде всего на профессиональных амбициях, у Гейдриха были и личные мотивы неприязни к Канарису. Гейдрих был младше Канариса на 17 лет, но оба были выходцами из германских военно-морских сил. С одним различием: Канарис дослужился до контр-адмирала и покинул ряды моряков с достоинством; Гейдрих же успел заполучить лишь погоны обер-лейтенанта, после чего с позором был изгнан из флота⁷.

И хотя теперь Гейдрих обрел огромную власть, его в свое время здорово потрепанная гордость не позволяла ему задирать нос перед Канарисом, в котором он не мог не видеть олицетворение военно-морских сил.

Со своей стороны, Канарис тоже пошел на значительные уступки, выполняя указания Гейдриха, чтобы не злить его без особых оснований. Он приглашал его к себе в дом, убедил поселиться неподалеку в пригороде Берлина и имел с ним хотя бы внешне вполне приятельские отношения. Однако мог временами и проявить высокомерие по отношению к этому желторотому наци, поскольку имел против него козырную карту, компромат, как это повсеместно принято в разведслужбах. Канарис обладал неоспоримыми доказательствами, хранившимися в надежном сейфе в «Лисьей норе», тому, что сам Гейдрих, эта фанатичная нацистская ищейка, яростно преследовавшая евреев, сам был по происхождению на какую-то часть евреем⁸.

⁷ Причиной отправления в 1931 г. в отставку было то, что Гейдрих решил жениться на сельской учительнице Лине фон Остен и расстался с прежней своей избранницей, дочерью хозяина крупнейшего металлургического холдинга. И адмирал Редер после суда чести вынес свое решение.

⁸ Это были ложные слухи. Дело в том, что отец Гейдриха Бруно родился от первого брака бабушки нацистского вождя, которая во втором браке вышла замуж за еврея Зюсса. Нацисты внимательно исследовали генеалогию Гейдриха и евреев не обнаружили (докопались до 1738 г. по отцовской линии и до 1688 г. по материнской).

Настроенная против абвера служба СД располагала в рейхе достаточно широким кругом задач и полномочиями. Впоследствии она была объединена в руководящий орган под названием RSHA (Reichssicherheitshauptamt), или РСХА – Главное управление имперской безопасности.

Этот находившийся в подчинении у Генриха Гимmlера орган состоял из 7 управлений, функции которых и круг обязанностей варьировались от вербовки и обучения личного состава до бесчеловечных, тайно проводимых медицинских экспериментов над заключенными концентрационных лагерей, исполнявшими роль подопытных животных. Управления IV и V выполняли полицейские функции. Управлением IV было печальное известное гестапо (Geheime Staatspolizei), возглавляемое Генрихом Мюллером, боровшимся против оппозиционных режимов, евреев, религиозных деятелей и, разумеется, осуществлявшее рутинный полицейский надзор за всеми аспектами жизни рейха и не только рейха. Отделом V была уголовная полиция (Kriminalpolizei), или Kripo, под началом Артура Небе, самая обычная криминальная полиция рейха.

Сбор информации и шпионаж были сосредоточены в III управлении (внутренняя СД) и VI управлении (внешняя СД), подчиненных непосредственно Рейнхарду Гейдриху. Гнездом агрессивного шпионажа нацистов было печально известное VI управление, где на Гейдриха работал проницательный и вероломный приспособленец-интеллектуал Вальтер Шелленберг⁹, низкорослый проницательный тип, холодная расчетливость и склонность к методичному плетению бесконечных интриг которого служили прекрасным дополнением к размашистому подходу Гейдриха к выполняемой деятельности.

Управление VI шаг за шагом совершенствовалось, пока не превратилось в эсэсовскую разновидность абвера вермахта, секретную службу со своими функциональными и региональными подразделениями, явно копировавшими структуру абвера. Пусть и значительно меньшая, нежели абвер, эта служба Гейдриха на самом деле дублировала функции ведомства Канариса, нередко присваивая себе прерогативы, которые по логике вещей должны были бы принадлежать исключительно абверу.

Идеи Гейдриха отличались нетрадиционностью. Всякий прямой подход ему претил в силу якобы присущей ему примитивности. Его секретная служба постоянно ковала не совсем понятные планы совсем уж непонятных операций. Даже тех немногих, которые ему удалось удачно осуществить на практике, было достаточно для создания Гейдриху репутации одного из самых коварных, но, бесспорно, одного из самых блестящих, невзирая на относительную молодость, главарей шпионских ведомств.

В некотором смысле Гейдрих – персона, объективно наименее оцененная и недостаточно изученная в истории шпионажа периода Второй мировой войны. Несмотря на то что именно описания Канариса в немалой степени способствовали тому, что мир видел в Гейдрихе шпиона № 1 Германии, следует признать, что даже и без помощи своего бывшего сослуживца по флоту Гейдрих сам немало сделал в пользу распространения и закрепления подобной репутации. Некоторые даже полагают, что Гейдрих превосходил Канариса по части эффективности проведенных операций, но, как бы то ни было, вопрос об этом до сих пор остается спорным.

Все в этом человеке было окутано темным покровом тайны, включая его происхождение. Он родился в Галле в 1904 году в семье директора музыкальной Академии, внесенного в справочник как «Бруно Рихард Гейдрих (на самом деле Зюсс¹⁰)». Именно эта деталь и обусловила гипотезу о сомнительности расовой чистоты Гейдриха, ибо фамилия Зюсс в Германии была исключительно еврейской.

⁹ Руководил VI управлением СД с начала 1941 г. и до конца войны.

¹⁰ По фамилии второго мужа своей матери, который не был его отцом.

Для участия в Первой мировой войне 1914–1918 годов Гейдрих был слишком молод и уже после ее окончания вступил в ряды террористической молодежной организации и к 15 годам успел обеспечить себе репутацию опытного головореза. В военно-морские силы он пришел кадетом, впоследствии получил звание обер-лейтенанта, но вскоре был с позором изгнан по причине нескольких любовных связей, происходивших одновременно.

После этого Гейдрих, оставшись не у дел, вступил в ряды нацистов, а именно пристроился в службу разведки, где имелись все возможности проявить себя в роли шантажиста. Он выяснил, что одна высокопоставленная прусская официальная персона тайно переписывалась с заклятым врагом Гитлера в нацистской партии, пресловутым теоретиком партии Грегором Штрассером. Гейдрих стал ухаживать за женой упомянутого официального лица и сделался ее любовником. В паузе между любовными ласками на квартире дамы он и обнаружил скрытые в потайном месте компрометирующие ее мужа письма и похитил их.

Завладев таким серьезным оружием, Гейдрих стал вымогать для себя теплое местечко в мюнхенской элитной гвардии. И надо сказать, после этого его карьера быстро пошла вверх. В возрасте неполных 27 лет в 1931 году его назначили на должность начальника особого разведывательного отдела НСДАП и поставили во главе своры подонков – дюжих головорезов явной нордической внешности, наделенных кроме физической силы и явно садистскими наклонностями.

Гейдрих в свои 27 лет выглядел гораздо моложе, однако он принадлежал к тем, о ком говорят «молодой, да ранний». Он был высокого роста, строен и великолепно смотрелся в черной эсэсовской форме. Его безбородая физиономия придавала ему некоторое женоподобие, но это впечатление быстро рассеивалось, стоило его собеседнику встретиться с холодноциничным взглядом Гейдриха. Вильгельм Хётгль, один из его подчиненных в СД, сравнивал Гейдриха с Цезаре Борджа (Борджиа)¹¹. Их обоих, как утверждал он, объединяло полнейшее игнорирование всех этических ценностей, оба обладали той же маниакальной жадой власти, той же холодной расчетливостью, тем же ледяным сердцем, теми же тщательно и систематически просчитываемыми амбициями и даже той же физической привлекательностью, характерной красотой падшего ангела.

Гейдрих представляется влиятельной фигурой в истории современной секретной службы, потому что в наш век просвещенной и механизированной интриги он был единственным практиком средневековой, грубой интриги. Его жизнь представляла собой непрерывную цепочку убийств. Он лишал жизни людей, следуя жизненному принципу: мертвый враг лучше живого, и не снисходил до различия между несомненными противниками и теми, кто мог бы стать ему друзьями. Он ликвидировал людей, которых инстинктивно недолюбливал, коллег, которых считал помехой его карьерному росту, нацистов, которых считал ненадежными.

Даже его довоенные успехи были поразительны, но заметно поблекли в сравнении с более поздними победами. Война, которую он помог «оправдать», предоставила ему массу великолепных возможностей. И он не мог дождаться ее начала, совсем как обжора, предвкушающий появление на столе обильных яств.

¹¹ Сын Родриго Борджа (ставшего папой под именем Александра VI, 1431–1503), Цезаре Борджа (ок. 1476–1507), как и его отец, использовал любые средства для достижения намеченных целей. Макиавелли превозносил Цезаре Борджа как пример совершенного государя.

Глава 3

Канарис прокладывает путь

Ганс Пикенброк был похож на преуспевающего виноторговца, но это был шпион высочайшего уровня. Веселый и жизнелюбивый уроженец Рейнской области, он был полковником германского Генерального штаба и руководителем отдела I Канариса, отдела абвера, занимавшегося шпионажем. Пикенброк был высокий, крупный, широкоплечий мужчина и снискал популярность у своих подчиненных, которые величали его *Pieki* (Пики). Ради него они были готовы на все.

Поскольку у Канариса не было времени, да и желания глубоко вникать в работу отдела I и он предпочитал утонченную атмосферу политической и дипломатической игры, Пикенброк обладал значительной самостоятельностью и максимально ею пользовался.

В папках Пикенброка таились самые сокровенные тайны фактических и потенциальных врагов Германии. Из-за огромных трудностей получения секретных сведений из Советского Союза Пикенброк принял решение пренебречь СССР. Время от времени ему удавалось переправить агентов в Советский Союз, а кое-кому из них даже удавалось и возвратиться, но большую часть сведений приходилось вычитывать между строк в советских открытых публикациях, опрашивать возвращавшихся из СССР туристов – одним словом, прибегать к помощи других методов кабинетного шпионажа.

Пикенброку не везло и в других важных областях. Министерство иностранных дел Германии, всеми средствами пытавшееся избежать трений с Великобританией, Францией и Соединенными Штатами (чтобы убаюкать их самодовольство и не втянуть их ненароком в войну), отнюдь не поощряло шпионскую деятельность сотрудников отдела в перечисленных странах. До 1936 года абверу даже запрещали иметь агентурную сеть в Великобритании. Только в 1937 году, после личного обращения Канариса к Гитлеру, армейской разведке было дозволено шпионить против Англии без каких-либо ограничений.

Менее двух лет хватило абверу для сбора исчерпывающей информации о Великобритании, с точными деталями, касавшимися ее малочисленной армии мирного времени, разбросанных по всему острову аэродромов Королевских ВВС и мощного Королевского флота. В течение тех довоенных лет полицией особой службы Скотленд-Ярда и Ми-5 директората военной разведки военного министерства (два главных британских органа контрразведки) удалось облачить много второстепенных агентов, но самая важная персона ускользнула от них. Хребет германского шпионажа в Великобритании так и не был сломан вплоть до внезапного начала Второй мировой войны.

Впрочем, Англия не являлась главной целью абвера. Куда более важной считалась Франция. Она была извечным врагом Германии и исторически сложившимся местом деятельности германских секретных служб.

В тактике действий абвера против Франции не было ничего нового. В 1869 году тайный агент Бисмарка доктор Вильгельм Штибер подготовился к Франко-прусской войне 1870–1871 годов, заслав 30 000 агентов во Францию. И накануне Первой мировой войны в отношении Франции поступили примерно так же – нафаршировали страну германской агентурой.

Канун Второй мировой войны тоже не был исключением. Даже Черчилля и того одурачили. 15 августа 1939 года, всего за 19 дней до внезапного начала войны с Францией¹², генерал

¹² В 11 часов утра 3 сентября, после того как Гитлер категорически отказался от переговоров о приостановке военных действий в Польше, Великобритания объявила войну Германии, а вечером того же дня к ней присоединилась Франция.

Жорж, главнокомандующий французскими войсками¹³, пригласил Уинстона Черчилля проверить линию Мажино. По возвращении Черчилль представил конфиденциальный отчет военному министерству.

«Врагу не удастся прорвать французский фронт, где бы он ни пытался это сделать», – заявил Черчилль.

Но линия Мажино, которую Черчилль описал как «непробиваемую», уже была пробита – не немецкими солдатами, те просто-напросто обошли ее несколько месяцев спустя, – а агентами «Пики» и Канариса.

В отделе I было создано специальное отделение, целью которого было разузнать все секреты линии Мажино. Была создана масса тайных подходов к объекту, но французы все же арестовали нескольких германских агентов, засланных к этому фортификационному сооружению. Тем не менее усилия абвера в конце концов были вознаграждены благодаря продажности двух французских офицеров, занимавших важные посты. Один из них был капитан Кредль, адъютант командира оборонительных сооружений сектора Меца, от которого – через агента, эльзасца Поля Денца, – немцы получили часть чертежей линии Мажино. Еще более важные сведения достались от другого предателя – француза Жоржа Фрожа, капитана, отвечавшего за обеспечение войск линии Мажино. В ходе частых командировок на протяжении всей линии укреплений и в результате доступа к картам и документации, содержащим важнейшие данные касательно гарнизонов, капитан Фрож собрал солидную информацию о линии Мажино.

Фрож был по характеру негативистом, с восхищением взиравшим на тоталитарную систему нацистов. И, обладая обширными знаниями об обороноспособности Франции и питая к ней, как и ее политической системе, ярко выраженную антипатию, вполне естественно, стал работать на немцев.

Как только немцы поняли, что имеют дело с источником ценнейшей информации, они приступили к выполнению операции «Z», то есть к вербовке Фрожа. Выяснилось, что капитан оказался в стесненном финансовом положении и любил деньги столь же сильно, сколь ненавидел свою страну. После этого вербовка агента много времени и усилий не отняла.

Подтверждение достоверности переданных Форжем сведений абвер получил случайно, как раз в то утро, когда немцы вошли в Прагу в 1939 году. Вместе с войсками в столицу Чехии прибыли и спец агенты абвера, которым была поставлена задача завладеть документацией чехословацкого Генерального штаба, в частности архивами его второго отдела. Быстро был установлен контакт с предателем в чешском Генштабе, полковником Эммануэлем Моравцем, который провел своих друзей из абвера прямо к замаскированному сейфу, в котором чехи хранили даже не свои военные секреты, а секреты армии Франции. А именно – комплект чертежей линии Мажино.

Каким образом эти чертежи оказались в сейфе у чехов – отдельная история. Когда чехи решили соорудить собственную систему укреплений по образцу французской линии Мажино, группе чешских военных инженеров разрешили осмотреть французскую систему фортификационных сооружений и даже сделать детальные эскизы отдельных сооружений, тех, которые произвели на них наиболее сильное впечатление. Чехи внесли в чертежи свои доработки, снабдили их подробными описаниями и пояснениями, проанализировали и даже подвергли критике французскую систему, а во время штабных «учений» еще и продемонстрировали способы проникновения в оборонительную систему.

Второй по важности позицией в списке приоритетов абвера был ВМФ Франции. С помощью агентуры, действовавшей в Бельгии, отдел I M (военно-морской разведывательный отдел Пикенброка) абвера систематически получал обзор французского флота, дислоцированного на побережье Франции, – от линкоров и до торпедных катеров, от пролива Ла-Манш и до Кана

¹³ Командующий Северо-Восточным фронтом.

на Лазурном Берегу в Средиземноморье. Германская разведка располагала мощной агентурной сетью, созданной специально для этих целей. Несколько агентов были французами. Один, симпатичный молодой человек, лейтенант флота, выходец из образцовой семьи, попался на удочку работавшей на абвер красавицы, некоей Лидии Освальд, которой абвер поручил вскрыть голову молодому лейтенанту. Лейтенант имел доступ к секретным документам адмирала Дарлана, главнокомандующего французским военно-морским флотом.

Этот источник был весьма ценным не только вследствие характера поставляемой информации, но еще и тем, что он упомянутую информацию поставлял чрезвычайно быстро. Однажды – это произошло во время кризиса – Дарлан продиктовал приказ о мобилизации военного флота. С помощью лейтенанта уже 4 часа спустя абвер получил упомянутый приказ – причем даже раньше, чем он был разослан в части и подразделения французского флота. И в 1939 году агент абвера по имени Отто Бальт прибыл в Берлин, имея на руках список всех аэродромов Франции и подробный отчет о самолетах и их пилотах. Человеком, от которого Бальт получил эти детальные сведения, был молодой капитан французских ВВС, работавший в кабинете Пьера Ко, министра военно-воздушных сил. Как и многие до него, молодой человек оказался предателем из-за любви, в том числе и к деньгам. Бальта заманила в ловушку привлекательная швея, жительница Эльзаса, проживавшая на Рю де ла Пэ. Когда она стала его любовницей – что потребовало куда больше денег, чем жалованье капитана, – Бальт стал снабжать его деньгами. В качестве оплаты он получил драгоценный отчет.

Эта акция Канариса стала последней в составлении французского досье. Теперь германское Верховное командование знало все, что требовалось знать о Франции.

Несмотря на традиционное внимание к Франции, работа кипела всюду и в польском отделении отдела полковника Пикенброка. Польша представляла собой идеальный охотничий заповедник. Многие немецкие граждане постоянно проживали в Польше, и полковник мастерски организовал их в особую Meldedienst, оперативную информационную службу. Пикенброк еще задолго до войны организовал и так называемую сеть прикрытия – настоящую паутину доверенных агентов. Сеть эта покрывала всю Польшу, включая все военные объекты. Эта сеть была до поры до времени законсервирована. У агентов были соответствующие инструкции не привлекать к себе внимания во избежание обнаружения и начать действовать лишь в чрезвычайных ситуациях или при наличии у них сведений экстраординарной важности. Агентура должна была сохраниться до начала войны.

Кроме того, Пикенброк организовал в Польше и специальную группу, которая снабжала абвер сведениями о Войске польском. Очень немногие из агентов были немцами; большинство было поляками по рождению, которые по очень многим соображениям пошли на предательство своей страны.

За несколько лет до войны «искатели талантов» Пикенброка прочесали Польшу в поисках новичков. Полковнику не составило труда рекрутировать целую армию изменников. Большое количество высокопоставленных чиновников и важных официальных лиц совершенно добровольно предлагали свои услуги. Но немецко-польское содействие по шпионажу не всегда представляло собой дорогу с односторонним движением. Поляки также продемонстрировали усилия, изобретательность и даже определенную эффективность в шпионаже против рейха. До начала войны они нанесли не меньше ударов немцам, чем абвер Польше.

Отдел II (сбор информации) польского Генерального штаба был крупной и влиятельной организацией. Размещался отдел в самом центре Варшавы на площади Пилсудского в покрытом тайной, мрачном старом здании довольно неряшливого вида. Туда регулярно стекались сведения, представлявшие вполне объективную и детальную картину Германии и вермахта – ничуть не хуже той, которую имели немцы о Польше и Войске польском.

Крупнейший центр польской разведки, специализирующейся на сборе сведений о Германии, располагался в городе Быдгощ (до 1919 и в 1939–1945 гг. Бромберг) неподалеку от

германской границы. Центр располагал 11 филиалами, включая один в Данциге. Поляки даже сумели пробраться к сердцу Гданьского отделения абвера. Они решили прибегнуть к древнейшим методам шпионажа – с помощью красивой женщины в качестве приманки – некой Клары Шебинской. Хорошенькая, как и большинство полек, пани Клара проживала в Данциге и работала секретаршей в одной фирме, которая была абсолютно вне всяких подозрений.

Эту пани направили в Данциг с определенной целью – завязывать знакомства с господами из абвера. Женщина была умна, прекрасно осведомлена о некоем Лотариосе, на которого ее ориентировали. Самым заметным ее активом была внешность – женщина обладала особой, чувственной красотой: миниатюрная блондинка с круглым милым личиком, поразительно большими карими глазами, чувственным ртом и несравненной фигурой. Она была женщиной жизнерадостной, сверх меры очаровательной и к тому же наделена романтическим восприятием жизни.

Клара часто бывала в компании сотрудников абвера, с некоторыми была знакома довольно близко и вскоре вступила в интимные отношения с резидентом данцигского филиала абвера. Шебинска знала, как вытянуть из своего любовника нужную и ценную информацию об операциях абвера в Данциге, и не только в Данциге, но и вообще в Польше.

И за работой в Данциге, и вообще за работой шпионской сети в городе Быдгощ стояла одна загадочная фигура. Звали его Жыхонь, впрочем, вовсе не обязательно, что это была его настоящая фамилия. Жыхонь был кадровым военным, и в Войске польском его знали, ценили и уважали. Даже в среде противников он считался несомненно лучшим офицером польской разведки. Но все же (а Жыхоню шел уже пятый десяток) он до сих пор ходил в майорах.

Жыхоня неизменно обходили в присвоении воинских званий, и все потому, что этот человек имел репутацию эксцентрика и бунтаря. Он обладал способностью наступать на любимые мозоли начальства, был довольно дерзок, не терпел дураков и нередко оказывался помехой для многих коллег, чаще всего помимо своей воли. И внешностью он чем-то напоминал бродягу, а уж по части манер и говорить нечего – воплощение неотесанности.

Жыхоня давно бы изгнали из разведки, не будь он в известной степени незаменимым человеком. Как только после его очередной выходки заходила речь о суде офицерской чести или об увольнении из армии, он каким-то образом выкручивался, доказав на практике свою полезность разведке. И что еще следует отметить – Жыхонь постоянно пребывал, что называется, под хмельком.

Жыхонь был алкоголиком, и не исключено, что и не совсем нормальным. Ему было плевать на соблюдение секретности даже в самой секретной из профессий. Как только он прибыл в Данциг, например, он тут же названивал какому-нибудь своему немецкому коллеге и объявлял, что, дескать, прибыл в город. Он мог в дружеской беседе с немцем вовсю пользоваться профессиональным жаргоном, будто забывая, с кем говорит. Он мог и оскорбить собеседника, и нахамить ему. В подобных случаях немцы говорили: «Ах, снова этот идиот Жыхонь напился в стельку». Однако они очень и очень недооценивали Жыхоня.

Время от времени немцы пытались пробраться в агентурную сеть Бромберга, играя на слабостях Жыхоня, и время от времени они, казалось, были даже на грани успеха. Но как раз тогда, когда им начинало казаться, что дело, как говорится, на мази, Жыхонь разочаровывал их. Этот шут был кем угодно, но не глупцом. Ян Хенрик Жыхонь был королем шпионов.

Поэтому, когда подотдел «Восток» доложил наверх в Берлин, что, мол, есть признаки того, что в деле организации Жыхоня намечается реальный прорыв, это вызвало настоящую сенсацию в абвере. Сначала казалось, что сам майор Жыхонь кидал пробные шары, но, когда был установлен контакт с потенциальным предателем, выяснилось, что он – заместитель майора Жыхоня, капитан Казимир Толодзецки.

Он предложил вероятное объяснение своей измены: ненависть к его капризному боссу. Толодзецки был мальчишкой для битвы и козлом отпущения Жыхоня. Майор превратил жизнь

своего несчастного заместителя в ад, и постепенно в Толодзецки накапливалась слепая злоба. Толодзецки, может, и не собирался действовать во вред своей родине Польше, но вот назло Жыхоню был готов на что угодно. Его задачи были просты. Он передает абверу часть сведений с тем, чтобы устроить неприятности Жыхоню – документы эти якобы послужат доказательством тому, что Жыхонь спутался с немцами. И Толодзецки написал анонимку в Варшаву, намекающую на то, что, мол, Жыхонь – немецкий агент. В конце концов его рвение насторожило и немцев. Абвер подозревал, что Толодзецки – всего лишь приманка, с помощью которой Жыхонь планировал передавать дезинформацию в абвер.

Но тут вмешались поляки и доказали, что подозрения, оказывается, безосновательны. Предательство заместителя Жыхоня было истинным. Толодзецки был взят под наблюдение, и его измена была обнаружена. Капитана арестовали, судили и повесили. Поляки совершили ошибку, разгласив факт казни. Казнь раскрыла немцам глаза. Сведения, которые они отказались рассматривать как подлинные, никакой дезинформацией не были и в свое время сослужили немцам добрую службу в ходе Польской кампании.

Другим источником секретных сведений для немцев был офицер Войска польского, имя и фамилия которого до сих пор окружена тайной. Ему удалось избежать участи Толодзецки, и немцы, в знак благодарности, до сих пор не спешат раскрыть его. Этот человек так же добровольно предложил свои услуги абверу и представил список многих польских офицеров, готовых работать на абвер. И этот офицер вызвал подозрение абвера, сначала его предложение отклонили. После дела Толодзецки, однако, немцы поняли свою ошибку и стали отчаянно пытаться восстановить контакт с ним. Поскольку маховики шпионажа раскручиваются временами довольно медленно, им потребовалось свыше двух лет, чтобы вернуть контакт, который был наконец установлен, причем в критический момент – накануне Второй мировой войны.

После этого все шло гладко. Агент поставлял абверу сведения достаточно многих польских офицеров, занимавших ответственные должности, и от них немцы постепенно получили целиком мобилизационный план страны и план стратегического развертывания войск.

Таким образом, организация Канариса снабдила Гитлера всем, что он должен был знать о Франции и Польше. Восточный фланг был надежно защищен нацистско-советским пактом. Оставалось лишь одно, чего жаждал фюрер, – нейтралитет Великобритании.

Глава 4

Застой в союзническом лагере

В отличие от разросшихся секретных служб Гитлера, демократические государства либо не располагали вообще разведслужбами, достойными внимания, либо ограничивались малочисленными и находившимися в состоянии полудремы организациями. Спецслужбы Франции и Великобритании занимали последнее место. Они существовали в основном на низких бюджетных ассигнованиях и почивали на лаврах прошлых заслуг с неизбежными последствиями. Грубо говоря, и французские и британские секретные службы были просто никуда не годными, полностью не соответствующими проблемам и требованиям тех роковых лет.

Во Франции, на родине Жозефа Фуше (1759–1820), одного из самых коварных и бесчестных шпионов в истории, разведка была традиционным инструментом власти, но относились к ней скорее как к искусству, нежели как к серьезной науке. Под стать хаотической организации французского правительства и снедаемой завистью хищной бюрократии, из которой оно и состояло, разведка была децентрализована и разделена. Службы предпочитали держаться подальше друг от друга, все попытки сотрудничества осуждались из опасений, что, мол, согласованность может поставить под угрозу автономию.

В 1939–1940 годах Франция располагала плеядой блестящих послов в ключевых столицах. Такие люди, как Андре Франсуа-Понсэ¹⁴ и Робер Кулондр, занимавшие посты глав дипломатических миссий Франции в Риме и Берлине в те беспокойные дни, были вполне способны и представить оценки тех или иных событий (и представляли их) в посылаемых на Кэ д'Орсэ¹⁵ отчетах, но представления не имели, что происходит с их отчетами в Париже. Во Франции разведка, по сути, рассматривалась как прерогатива вооруженных сил; соответственно, крупнейшие разведывательные службы функционировали в недрах военных структур.

Накануне Второй мировой войны у Франции было четыре крупных разведывательных службы, но ни одной структуры, которая координировала и централизовала бы их деятельность. Армия имела две спецслужбы – второй и пятый отделы Генерального штаба; первый из упомянутых занимался общей разведкой и выработкой стратегических оценок; второй – шпионажем и контрразведкой. У военно-морского флота был свой собственный параллельно действующий разведывательный отдел. У Министерства ВВС имелся несколько меньший разведотдел, вероятно лучший из всех, ибо в силу новизны учреждение не успело впитать традиционные предрассудки.

И по срокам существования, и по влиянию, и по искусности приемов присвоения власти армейское Bureau de Renseignement – Второе бюро – занимало центральную позицию в лабиринте разведки. Второе бюро представляло собой отъединенную от всего остального мира, закрытую организацию. Причем пресловутую «отъединенность» вполне можно было понимать и в прямом смысле. Оно размещалось в La Ferete-sous-Jouarre, вдали от сутолоки Парижа и вдали от пятого отдела.

Несмотря на статус «серого кардинала», армейская разведка Франции страдала от различных фатальных затруднений. С одной стороны, она возглавлялась офицерами довольно низких званий. В 1939 году ею руководил некто полковник Гоше. Главой Второго бюро был Бариль, воинское звание – майор. Гоше и Бариль были людьми достаточно образованными и

¹⁴ В марте 1940 г. послу в Риме Андре Франсуа-Понсэ министр иностранных дел Италии Чиано раскрыл планы Гитлера на продолжение войны.

¹⁵ То есть МИД Франции на набережной Кэ д'Орсэ.

компетентными, способными разведчиками, но их влияние оставалось низким даже в стенах руководимых ими организаций. Их постоянно загоняли в угол более старшие по званию офицеры, равно как и те, кто был ближе к командному генералитету, так что поступавшие к ним зачастую весьма важные сведения так и оставались пылиться в ящиках столов их служебных кабинетов, пусть даже с их резолюциями.

Гоше, например, не раз прилагал воистину героические усилия, чтобы направить полученные сведения касательно Польской кампании генералу Гамелену, главнокомандующего армией¹⁶. Гош рассчитывал, что содержание документов все же выведет генерала из состояния летаргии и заставит изменить отжившую свой век стратегию бесстрастного равнодушия. Он добрался до полковника Прео, друга Гамелена и начальника оперативного отдела штаба главнокомандующего. Прео был категорически не согласен с выводами Гоша и не удосужился даже проверить данные, на которых эти выводы основывались.

¹⁶ М.Г. Гамелен (1872–1958) с 3 сент. 1939 г. был главнокомандующим союзными войсками во Франции. 19 мая 1940 г., когда стало очевидно поражение союзников, был отстранен от командования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.